Вадим ЕРЕМИН

НА СТЕКЛЯННОМ ВЕТРУ

СТИХИ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

36-57-04

8/I Карасев

~~22.04 Козлова~~

16/XII ~~[illegible]~~

2.11 УГБ [illegible]

96263

(2Рос-Р)6
Е 70

Вадим Еремин

НА СТЕКЛЯННОМ ВЕТРУ

Из новых стихов
(1997—2001)

96 263
Ф.№17 МУК ЦБС г.Орел

«Вешние воды»
Орел, 2004

ББК 84(2р)6
Е-70

Новый поэтический сборник Вадима Еремина составили стихи, написанные в 1997—2001 годах, впервые выносимые автором на суд читателя. Стихи расположены в хронологическом порядке их написания и в какой-то мере служат дневником мыслей и событий, внутренних и внешних, зафиксированных автором.

«На стеклянном ветру» — восьмая книга лирики орловского поэта.

Оформление: В. Г. Еремин, И. В. Фоминов.

В оформлении книги использованы фрагменты иллюстраций к книгам: Василий Белов. Лад. Очерки о народной эстетике. «Молодая гвардия», М., 1982; Федор Поленов. Поленово (фотоальбом). «Планета», 1989.

Редактор: член Союза писателей России Геннадий Попов.

ISBN 5-87295-163-9

© «Вешние воды», 2004

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

10 января 2001 года мне исполнилось шестьдесят лет, возраст явно не поэтический, но стихи пишутся, о чем свидетельствует предлагаемая вниманию читателей книжка «На стеклянном ветру». Новая книжка, как и каждая предыдущая, а их всего выходило пять («Дорога на Спасское», «Сентябрь», «Снег на проводах», «Квадратное солнце», «Пейзаж предвечерний») плюс две книжки-приложения к газете технического университета («Осенний портрет» и «Новые стихи»), дорога́ автору тем, что в ней непроизвольно сквозит естественная ностальгическая мысль, четко выраженная в первой строке стихотворения «Пронеслись мои лучшие годы...». Да и само название книги, на мой взгляд, должно настроить читателя на минорный лад: ведь каждый из нас как бы просвечен ветрами и в прямом и в переносном смысле, что изредка удается ощутить, находясь в условном одиночестве, наедине с природой, хотя бы городской, и самим собой: «Жизнь печально кончается, /Что с собой заберу?/ Колокольня качается /На стеклянном ветру...»

Не очень-то легко писать о своих жизненных вехах — детский сад санаторного типа на тихой орловской улице Сакко и Ванцетти, теперь Карачевской, школы в Московской и Липецкой областях, машиностроительный техникум и машиностроительный институт в Орле, целина, спорт, армия, завод «Текмаш», аспирантура, защита диссертации... Еще трудней писать о своих стихах. А надо! Воспользуюсь частью мнений дорогих мне людей, в разные годы очно или заочно поддержавших меня (орловцев из этических соображений исключаю).

«Мир поэта органичен, строго очерчен, имеет свой объем и координаты:

Облака, что парили
От Оки до Днепра.

Такова география души, мир которой разрезан по вертикали сверху вниз:

Скупой полет листа
Забыть не в силах мы...»

(Юрий Кузнецов, предисловие к сборнику моих стихов «Дорога на Спасское», 1983 год).

«...Названия ...стихотворений — «Картофель», «Утро», «Дерево», «Осень», «Земляк» — словно бы вехами обозначают путь поэта по земле среди, казалось бы, обычных и всем нам хорошо знакомых предметов и явлений, среди смены настроений и времен года... Происходит круговращение жизни в стихах, насыщенных национальным колоритом...»

(Татьяна Кузовлева, альманах «Поэзия», № 34, 1982 год).

«Весть» (альманах) составлена... по принципу честности и чистоты голоса, новизны поэтики. Участниками «Вести» стали Виктор Коркия, Геннадий Айги... Вадим Еремин... Что же объединяет авторов на страницах одной книги? Да, конечно же, отрицание: лжи и насилия, тоталитарного единообразия и идеологизации...»

(Наталья Иванова, «Московские новости», № 32, 1989 год).

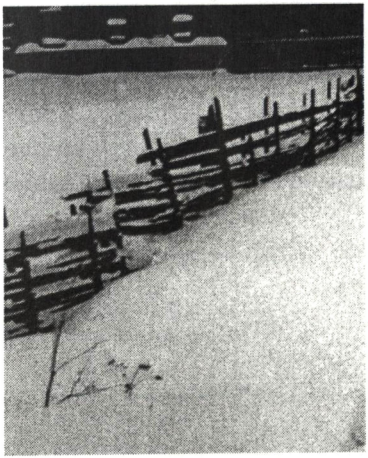
«...Еремин — дитя войны. И тройки. Не святой и не с бубенцами, а которая казнила и была исчадием сатаны. Он без иллюзий... Земляк Лескова. А может, отчасти наследник? Есть в его внутреннем мире грешное, сумрачное... как «черные кляксы и полосы», что «ползут через стол» — нет, не чёрта, чертежника...»

(Владимир Приходько, «Московская правда» от 3.09.98 года).

Не знаю, складывается ли что-либо общее из этих мнений, мне, право, судить трудно. Тем более, что есть и другие мнения. Лучше читайте сами стихи.

Вадим Еремин.

ПОСРЕДИ ПРИВОРОТНОГО ЦАРСТВА



1997

В ПУТИ

Скребут по наледи полозья,
Взопрел огромный круп коня.
Куда-то в сторону Поволжья
Везут болезного меня.

На весь район одна больница,
Где лечат взрослых и детей.
В тулуп завернутый возница
Ворчит: «Смотри не запотей!»

Вдогонку стелется поземка,
В лощине прячется ручей.
А сердце бьется громко-громко,
Боясь невидимых врачей.

НЕВЕЗУЧИЙ

Не сказать, чтоб он недоедал,
Не сказать, чтоб он недопивал.
Худощав, как будто Хейердал,
Он сражает взглядом наповал.

Тянутся минуты и часы,
Обещая жизненный успех.
В тридцать лет прорезались усы,
Да и те лишь повод для потех.

АНГЕЛ

За спиной два холодных штыка,
Впереди — бездорожье.
Вспоминают порой чудака
Где-нибудь в Запорожье.

Процветают под Тулой сады,
Чередуются зори.
Просчитал он всей жизни ходы,
Но подставился в споре.

Скоро, скоро немая душа
Вознесется над лугом.
И домой поплывет не спеша
Всем воздать по заслугам.

КАРТИНКА

— Правое, табань,
Левое, греби...
Плыли мимо бань
Лодки по Оби.

Плыли мимо крыш,
Плыли мимо трав.
Рассекали тишь
Водных переправ.

Задевали рыб,
Оставляли след.
От уключин скрип
Исходил на нет.

— Левое, табань,
Правое, греби! —
Отвечала брань
С берегов Оби.

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ

На голове копна волос,
Свидетельство былой отваги.
Сынок за лето так подрос,
Что пишет к вечеру зигзаги.

Хохочут громко мужики,
В упор ее не замечая.
Откуда-то из-за Оки
Крадется запах иван-чая.

На кухне высится гора
Неубывающей посуды.
А за стеной уже с утра
Идут пустые пересуды.

КОНЕЦ ВЕКА

Над заспанной станцией Грязи
Чадит электрический свет.
Прервались привычные связи,
А новых пока еще нет.

Над заспанной станцией Грязи
Понуро плывут облака.
Никто здесь не выбился в князи,
Никто не глядит свысока.

Над заспанной станцией Грязи
За слухом рождается слух,
Что скоро снесут коновязи,
Не помня их прежних заслуг.

КАЛАНЧА

Посреди приворотного царства,
В обрамлении зноя и пыли
Возвышается некая цаца,
Распуская легенды и были.

Обратав горизонт размягченный
И готовясь к любому сюрпризу,
Ходит по кругу малый ученый,
Абсолютно невидимый снизу.

Резонирует медная каска,
Шевелятся косые усищи.
Независимо — пост или Пасха,
Спят внизу Петушки и Мытищи.

Клочья птиц, уходящие к югу,
Оседают на древние пашни.
Тени зарев блуждают по кругу,
Бередя основание башни.

* * *

Во́время или во вре́мя
Жизнь остановит меня.
Будет вариться варенье
И отливаться броня.

Где-нибудь на Копет-Даге,
Обозначая рассвет,
Будут пульсировать флаги —
Символы новых побед.

ЭЛЛАДА

Крупные камни летят
с накрененной горы.
Гордые ветры
гуляют по краю провала.
Море уносит назад
дармовые дары
И прибивает их вновь,
как ни в чем не бывало.
Плоское солнце следит
за полетом слепого орла.
Тают вдали
отпечатки разрушенных зданий.
Тянут рабы
колесницу с останками зла,
Не принимая на дух
никаких оправданий.

КАНУН

Слепило приторное солнце,
Щенячий дождик моросил.
Извозчик восседал на тронце
Над парой лошадиных сил.

Слуга укладывал коробки,
Считал ворон городовой.
Денек, не длинный, не короткий,
Был рад вестям с передовой.

Поротно цокали подковы,
Из окон лыбилась герань.
Вельможи, вхожие в альковы,
Писали письма в Тегерань.

Среди беспечного простора,
Судьбой довольная вполне,
Покачивала мир «Аврора»,
Прикованная к тишине.

ПРУД

Угомонилась пугливая птица,
Свет незабудок стал призрачно слаб.
Всходят со дна преломленные лица
Завороженных растяп.

Барин лохматый у белой беседки
Отяжелел, будто шмель.
Вечнозеленые томные ветки
Тычутся в звездную прель.

Если б не влажные звезды и луны,
Не было б видно змеящихся лиц.
Топчется в зарослях увалень юный,
Кличет продрогших сестриц.

56263

№ 17 Библ. А. С. Пушкина г. Орел

Заказ № 823

КОНЕЦ ИМПЕРИИ

Усталость накапливалась годами,
Усталость накапливалась веками.
Вельможа, всегда состоявший при даме,
Вращал ганнибаловскими белками.

В колонну выстраивались подводы
На поиски новой железной дороги.
Вельможа, подсчитывавший доходы,
Искал для доклада любые предлоги.

На дальней реке возводилась запруда;
Ссыпалось зерно в тупорылые баржи.
Вельможа, возникший почти ниоткуда,
Был взят под арест при съедании спаржи.

УТРО

Опять раскрыт словарь
Земного бытия.
Вставай, вставай, вставай,
Любимая моя!

Включай скорее свет,
Гони скорее сны.
Словарик новых бед
Пополнить мы должны.

Денек еще кургуз,
Не все еще встают.
Прекрасен наш союз,
Прекрасен наш уют!

Уже гремит трамвай,
На подвиги маня.
Вставай, вставай, вставай,
Любимая моя!

МОНОЛОГ ПРЕДПЕНСИОНЕРА

Я давно уж не влюбляюсь,
Я давно уж не любуюсь.
На тахте один валяюсь,
Будто в армию вербуюсь.

Ни по ком я не скучаю,
Ни по ком я не страдаю;
Никому не докучаю,
Никого не осуждаю.

Я давно уже не нужен
Ни одной из ловких бестий
И пожизненно недужен
От таких несоответствий.

ИСХОД

На изломе двадцатого века,
В ореоле надменной травы
Ковыляет бездомный калека,
Потирая болячки и швы.

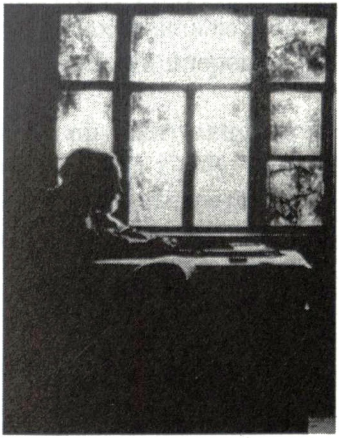
Задыхаясь от каждого шага —
Каждый шаг означает побег,
Предвкушает небесные блага,
Чем скорее, тем лучше для всех.

Не имея других одеяний,
Облачился в предутренний мрак.
Проплывают вдали россияне,
Как положено, в роли зевак.

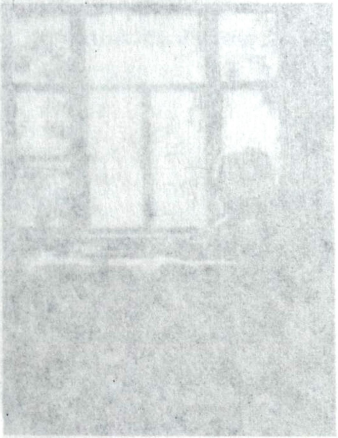
ДОЖДЛИВЫЙ ПЕЙЗАЖ

Что изменилось за окном?
Сместился влево «Гастроном»;
Промчались вскачь обрывки туч,
Как будто завтра снова путч.
Задворки старого двора
Остолбенели до утра.
И думается об одном:
Что изменилось за окном?..

НАТЮРМОРТ С ОКНОМ



1998



НА СТЕКЛЯННОМ ВЕТРУ

Жизнь печально кончается,
Что с собой заберу?
Колокольня качается
На стеклянном ветру.

«Морж» купается в проруби,
Тоже скоро помрет.
Вот шарахнулись голуби
На две жизни вперед.

Дым в пружину свивается,
Тянет в небо трубу.
Новый век затевается
На приокском горбу.

МЕНЬ

Мимо подмосковных деревень
Шел на службу простодушный Мень.

Вдруг над Менем раскололась тень,
И упал на землю мертвый Мень.

Он успел подумать: «Дело швах!»
Продолжались службы во церквах.

70-е ГОДЫ

Предел напыщенных мечтаний,
Как прежде, был недостижим.
Летели хрипы из гортаней,
Крепчал предписанный режим.

Струился свет по вертикали,
Зубами клацали реле.
Чиновник в местном Ватикане
Угрюмо думал о селе.

Предощущение исхода
Навек сковало все и вся.
Лишь простодушная природа
Брела, бородкою тряся.

* * *

Пока я жив,
Пока я лжив,
Живу,
Души не обнажив.

А смерть сразит,
Как джиу-джитса, —
Душа тотчас же
Обнажится.

* * *

В предсмертном единении с природой
Живет старик. Столетия ползут.
В одном столетье он служил Ягодой,
В другом столетье сам попал под суд.

Передвигая страждущее тело,
Живет старик в прозрачной будке дня.
В одном столетье он сверкнул Гастелло,
В другом прополз канавой вдоль плетня.

Жужжат над ним секунды и минуты,
Меняют очертанья города.
Одолевая тени, как редуты,
Косит старик под Вечного Жида.

ПОДМОСКОВЬЕ

Прибавив к печали и горю
Чуть-чуть ежедневных забот,
Лошадка с горы или в гору
Понурую зиму везет.

Во сне шевелятся оградки,
Чураясь последней листвы.
Вдали облака и облатки
Бегут в направленье весны.

Над лесом гудит напряженье
В сто тысяч лошадкиных сил.
Давленье пошло на сниженье,
Поселок язык прикусил.

БАЛЛАДА О ГЕРОЕ

Утро вставало сырое,
Пленные скрыв города.
Смерть потеряла Героя,
Думала, что навсегда.

Полз он на свет вдоль траншеи
И наконец-то дополз.
Вскинулись юные шеи
Разгоряченных берез.

Сник над своею могилой
Смерть переживший Герой,
Радуясь жизни немилой
Меньше, чем смерти второй.

Где-то бренчали награды,
Ветер печатал шаги.
Смерть чертыхнулась с досады,
Сгинув у Курской дуги.

СТАРИННЫЙ ГОРОДОК

Давно уж нету здесь принцессы,
И воеводский дом снесен.
И социальные процессы
Идут не главным в унисон.

Проулок тих и нецелован,
След солнца прячется вдали.
Прибывший на гастроли клоун
Недавно вынут из петли.

С тех пор, как в месяце апреле
Чернобыль вскрыл нутро свое,
Рентгены здесь и беккерели
Подсвечивают бытие.

Сильней, чем в годы роковые,
Здесь саднит каждое окно.
И даже деньги «гробовые»
Уже не платятся давно.

МАЙ

Пузырится водоем;
Жив, плебей.
Не поется соловьем,
Хоть убей.

Ненасытная листва
Ждет дождя.
Смотрят с круч мои лета,
Уходя.

Отступаю бережком
В никуда.
Водоем, как в горле ком,
Ждет, когда...

Заказ № 823

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ЭВАКУАЦИИ

Опять томит меня улитка
Беды, ползущей на восток.
Вдали колышется Магнитка,
Где выдается кипяток.

На стыках вздрагивают вещи
И пятятся в дверной проем.
Звучит с перронов голос вещий,
Чеканящий: «Передаем...»

Дымит вдогонку кукуруза,
Не спит пять суток младший брат.
Не мать, а будущая муза
Скулит над ворохом утрат.

ЛЕТНИЙ ПЕЙЗАЖ

Отцвели простодушные травы,
Отцвели золотушные нивы.
Облаков белоснежные главы
Распрягли серебристые гривы.

Вдалеке Иисусы Христосы
Устремляют в грядущее взгляды.
Впереди — грозовые покосы,
Впереди — мировые разряды.

И опять у глухой переправы,
К восходящим потокам ревнивы,
Зацветут простодушные травы,
Зацветут золотушные нивы.

* * *

Большим поэтам писалось мало,
Поэтам малым — наоборот.
От их писаний земля устала,
Похожей стала на огород.

Возьмем хотя бы того же Блока
(«Аптека, улица» и «Фонарь»).
Блок не настолько копал глубоко,
Чтоб восхитился им государь.

Перенесемся теперь к Рубцову
(«Я буду долго... велосипед»).
Работал Коля с большой ленцою,
Хотя оставил заметный след.

Пожалуй, хватит перечислений,
Любой читатель меня поймет:
Большим поэтам мешает гений,
Поэтам малым — наоборот.

ПЕЙЗАЖ-ВОСПОМИНАНИЕ

Не месяц шевелил рогами,
А тучка сквозь него плыла.
Опять мы были не с деньгами,
Одни на целых два села.

Тугие заросли сирени
Смыкались прямо возле нас.
В просветах звездочки пестрели,
Натертые, как напоказ.

Гудела вдалеке машина,
Забытая еще с весны.
К сирени ластилась крушина:
Глаза покорны и грустны.

НАТЮРМОРТ С ОКНОМ

Чайник гудит не к добру,
Кот замывает гостей.
Эхо скончалось в бору,
Сделав пригорок грустней.

Ждет своей участи гусь;
Кажется, почту везут —
Вечнозеленую Русь
Вновь вызывают в нарсуд.

ИДУЩИЙ

Житель севера
Или юга
Шел вдоль клевера
От недуга.

Тропкой ровною,
В путь отважась,
Нес огромную
В сердце тяжесть.

Клевер кончился.
Солнце село...
Выстрел кобчика
Вспыхнул слева.

ВЕСНА

Посмотри: с эстакад намахнулась
Непутевая девка — весна.
Посмотри: поднялась, отряхнулась,
Воздала эстакадам сполна.

Накурилась тумана с бомжами,
Помахала им куцым хвостом.
Городок в полосатой пижаме
Все дела отложил на «потом».

ПЕШЕХОД

В. В. Сафронову

Он шел мимо о́сеней, весен и зим,
Забыв про минутный привал.
Знакомые люди здоровались с ним,
А он их с трудом узнавал.

Внизу бликовала речная волна,
Вверху блефовал соловей.
Он силился вспомнить людей имена,
Но был безответен бродвей.

Он шел, как на приступ, в небесный проем,
Доверясь дороге прямой.
Знакомые люди светлели при нем,
Любимы любовью немой.

ВЕЧНОЕ

В мире светло или в мире темно;
Мир существует, а может и нет.
Девушка смотрит и смотрит в окно,
Верит, что скоро вернется корнет.

Свищет пурга или тлеет жара,
Снова торфяник горит под Москвой.
Девушке замуж давно уж пора;
Девушка смотрит и смотрит с тоской.

Тени знакомых по кругу плывут,
Сзади будильник призывно пропел.
Слышится: «Прянь, мое дитятко,
в вечный хомут
Врет твой корнет про бои и про плен».

ЗНАКОМЫЙ ПОЭТ

Покорно листает журналы,
Не видя заманчивых видов.
Мелькают одни криминалы
Да жертвы аварий и спидов.

Скучает по маленькой гейше,
Застрявшей в какой-нибудь Польше.
Стихов не становится меньше,
Стихов не становится больше.

* * *

Верьте иль не верьте:
Резче, чем весной,
Над лесами ветер
Дует ледяной.

Верьте иль не верьте:
Посреди села,
Несмотря на ветер,
Липа зацвела.

Скоро на повети
Полетит пыльца.
Верьте иль не верьте —
Лету нет конца.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Еще не раз сердечко ёкнет
При виде сморщенной старушки.
Еще не раз я буду проклят
За бестолковые пирушки.

Еще не раз я буду схвачен
За горло собственной тоскою,
Сопровождаем зорким плачем
Ракит над мертвою рекою.

ЮНЫЕ ДЕВЫ

Они уже настолько
От предков далеки,
Что взоров их настойка
Заводит в тупики.

Не нужно им лукавить,
Не нужно щеголять,
Минувшие века ведь
Для них смешны, как «ять».

Плывут себе неспешно
Над низенькой толпой.
Спокойная усмешка
Опасна, как запой.

ПРЕДОСЕННЕЕ

Снова золото,
золото,
золото...
Снова зеркало лета расколото
На каналы,
протоки,
пруды
Неподвижной тяжелой воды.

Снова золото,
золото,
золото,
Серебро,
серебро,
серебро...
Ни серпа не осталось, ни молота;
Из воды смотрит небо хитро.

БОЛЬШАК

Пылит попутная дорога,
Насквозь просвечен березняк.
Когда-то здесь поэт Серега
Приветил розовых коняк.

Теперь вот серые, стальные
Слои культурные скребут.
Сверкают знаки номерные —
Цивильной жизни атрибут.

Святая тучка-недотрога
Невинно под ноги глядит.
Пылит попутная дорога,
Живые души бередит.

ДЕЯТЕЛЬ

Из дерьма слепил конфетку,
Да никто ее не ест.
Завалился на кушетку
И храпит на весь подъезд.

Отошли давно все сроки
Восполнения затрат.
А шальные биотоки
С новой силою искрят.

Заказ № 823

УТРЕННЯЯ КАРТИНКА

Рано утром вышел в поле
Молодой Балда.
Видит — хаты на запоре,
Хрюкает еда.
Едут по небу машины,
Скачет ветерок.
Бабы тащат крепдешины,
Запасают впрок.
Видит — бывший предколхоза
Травит кобеля.
От него ушла береза,
Смотрит издаля.
Предстоящею страдою
Теша небосвод,
Вялый мир перед Балдою
В никуда плывет.

РУКА

«Облаком волнистым
Прах встает вдали...»
Афанасий Фет

«Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые...»
Юрий Кузнецов

Из облака живого праха
К землянам тянется Рука,
Рука вселенского размаха,
Протянутая сквозь века.

Пугливо пятятся дубравы
В укрытья солнечных лучей.
У межпланетной переправы
Ей суждено не спать ночей.

* * *

Последнее тепло
Стихающего дня
Уходит за село,
Чуть-чуть повременя.

Как будто сквозь стекло,
Течет, не помня зла.
И детство утекло,
И молодость ушла.

Легко привстав с колен,
Ни узок ни широк,
Спешит теплу взамен
Настырный ветерок.

ЗВОН

Я слышу звон,
Да вот не знаю,
Откуда раздается он.
Брожу весь день, припоминаю,
Со стороны весьма смешон.

Любое лишнее движенье
Сбивает с главного пути.
Терплю под вечер пораженье,
Загадку разгадав почти.

Пригорки вслед глядят с улыбкой,
Как на беднягу-рыбака.
Психологи считают сшибкой
Мой звон, манящий в облака.

* * *

Вот и прошло бесконечное детство,
Скоро начнется опять.
От повседневности некуда деться,
Хочется душу распять.

Веет повсюду кладбищенский воздух,
Осень цветами больна.
Больше никто не мечтает о звездах,
Благо, что светит луна.

Изредка стонут вдали паровозы:
Будь им помощником, Бог!
В кроне любой поределой березы
Прячется сдержанный вздох.

* * *

Рыжая скобка Белевского тракта,
Кто тебя помнит?
Вот так-то!
Вот так-то!
Память у нас коротка.
Мы уж давно существуем де-факто,
Как над тобой облака.

Лишь кое-где пробиваешь бурьян ты,
Нет в тебе больше нужды.
Мчатся по новым путям маркитанты,
Сами не зная «куды».

* * *

Цвет небес фиолетов,
Говорят, не к добру.
Напишу пять сонетов
И спокойно умру.

Зарифмую крест-накрест
Надоевшую хворь.
Амфибрахий, анапест
Хороши, как ни спорь.

Обойдусь без советов,
Как плетень на юру.
Цвет небес фиолетов,
Непременно — к добру.

ЗАКАТ

Когда же смятенье кончится
И вечный придет покой?
Над городом солнце корчится,
А мне-то оно на кой!

Терпенья запасы жалкие
Иссякли уже почти.
Летят прямо в солнце галки и...
Сгорают на полпути.

ТОНУВШИЙ

Мутная бездна его поглотила
В злые владенья свои
И с облегченьем назад отпустила
В лоно воздушной струи.

В счастье спасения толком не веря,
На́ берег выбрался он.
«Жить будешь вечно», — услышал земеля
Голос, похожий на стон.

МОЯ ГЕНЕТИКА

Редки́ мои зубы,
И волос мой редок.
А помнишь, без шубы
Шатался мой предок?

А помните, позже
В дырявом кафтане
Он скручивал вожжи
И пел о султане?

А где-то в начале
Двадцатого века
Подох на причале
Мой предок-калека.

* * *

Плачет кукушечка. Эхо тройное
Распространяет тоску.
Леса осеннего паранойя
Виснет на каждом суку.

Даже под соснами чавкают лужи,
Так отсырел небосвод.
Слева и справа признаки стужи
Норов проявят вот-вот.

Плачет кукушечка не по сезону,
Кончился дачный сезон.
Лес превратился в опасную зону,
Шляться в лесу не резон.

СТАРЫЙ КОЛОДЕЦ

Утонула давно здесь звезда,
И замшелое эхо мертво.
И, пожалуй, уже никогда
Не очнется больное нутро.

Порыжелый осенний листок
Робко трогает сруба края.
А о том, что здесь окский исток,
Вспоминают лишь ветер да я.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Снежной прошитый крупою,
Прочь ковылял от тоски.
Плавил слезою скупою
Мертвых торосов тиски.

Мерзлою глыбой одежды
Вспарывал солнечный наст.
Вслед хохотали надежды,
Ждали, когда же он сдаст.

Рад, что стожары не съели
И не уснул на ходу,
Рухнул к подножию цели,
Грез укротив череду.

* * *

Жизнь объективно
противна,
Но хороша
субъективно.

Если в кармане полтина,
Счастлив бездомный детина.

Если исчезла полтина —
Жизнь субъективно
противна.

ГРЕХ

Потихонечку графоманя,
Попивая винцо в кустах
(Ты прости уж меня, маманя),
Я живу сразу в двух местах:

Малой родине поклоняюсь,
А пасусь давно на большой.
Хочешь, мамка, я поменяюсь
С отлетевшей твоей душой?

Полечу над обеими сразу,
Снизу — вылитый херувим.
И уже не подвергнусь сглазу,
Всепрощеньем твоим храним.

* * *

Мне всегда доставалась другая,
А не самая лучшая, та,
Что сновала, другой помогая
Покорить молодого хлюста.

Миновало сто лет. Миновало
Много мелких побед и потерь.
Та, что ради подружки сновала,
В одиночестве сохнет теперь.

Заказ № 823

НА РАБОТУ

Я иду на север,
Значит сзади — юг.
Я еще не сеял
Ни дождей, ни вьюг.

Слева — курс на запад,
Справа — на восток.
Я меж ними заперт,
Как речной исток.

Знать не зная брода,
Ухожу в рассвет.
Первая природа
Машет мне вослед.

РЕЛИКВИЯ

Памяти А. А. Максимова

Схоронили Сашку
В голубой земле.
Сохранили шашку,
Будто он в седле.

Отгуляли девять,
После — сорок дней.
Шашка тихо дремлет,
С каждым днем смирней.

Медленно сползает
С пышного ковра.
Видно, осязает,
Что в музей пора.

ПЛАЦ

Иван,
не помнящий родства,
Хрипит:
«Ать-два,
ать-два,
ать-два!»

Идут дожди.
Идут снега.
Вокруг —
ни друга,
ни врага.

РАССВЕТНАЯ ПТИЦА

1999

ПОРТРЕТ

Поэт, избáлованный славой,
Застыл у скважины окна.
И ни одной мыслишки здравой
Ему не дарит тишина.

В крутой затылок смотрят сотни
Неумирающих томов.
Листва вбегает в подворотни,
Пугаясь молний и громов.

Поэт, избалованный славой,
Садится с ужасом за стол.
А над Россиею безглавой,
Курясь, сжимается простор.

УХОДЯЩЕЕ

В приторных дебрях дурмана и хмеля
Скрывших от мира щербатый забор,
Чинит прошедшее время Емеля,
Будто в наш век по ошибке забрел.

Тщательно выпрямив ржавые гвозди,
Крепит карниз к заплутавшей звезде.
Малые дети копаются возле
В непроходимой траве-лебеде.

Белых хохлаток жара разморила,
Только петух, как хозяин, бедов.
С кухни глядит пресвятая Мария,
Не одобряя напрасных трудов.

* * *

Начинается таянье
Подневольных снегов.
Все устроено правильно,
Не считая долгов.

Эх, долги наши тяжкие
От весны до весны...
Закидать бы фуражками
Всё, чему мы должны.

Под цветами и травами
Скоро скроется сплин.
Дни становятся бравыми,
Недовыпрямив спин.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Рассветная птица вскричала,
Напомнив о таинствах дня;
Напомнив, что роща курчава
И ждет-не дождется меня.

Рассветная птица взлетела
Над рощей курчавой моей,
Умчав мою душу и тело
В объятья воздушных морей.

Рассветная птица устала
Кружить над моей головой.
А тень ее долго витала
Предвестьем тоски ветровой.

ДОРОГА

Вопросов много,
Ответов мало.
Ползет дорога,
Забыв начало.

Под облаками,
Под куполами
Ползет веками
В небесной яме.

То пыль закрутит,
То канет в стоге.
А где же путник
На той дороге?

А где же ставни,
Что вслед глядели?
Поди, устали
Считать недели.

Вопросов много,
Ответов мало.
И нет итога,
И нет привала.

* * *

Человек, воспитанный войной,
Задержался возле проходной.

Изучает кашку и вьюнок.
Для него я все еще сынок.

В небе реактивный самолет
Песенку победную поет.

Вслед глядит с пожизненной виной
Человек, воспитанный войной.

ПОДКОВА

Я прибил ее над входом,
Да не тою стороной.
И летели год за годом,
Насмехаясь надо мной.

Я излазил всю планету,
В дом врываясь иногда.
Счастья не было и нету,
И не будет никогда.

Я к чертям ее закинул
Под покровом темноты.
Вот и верь в таких кикимор,
С ними будучи на «ты»!

* * *

Отстучало сердце инвалида,
Тронутое в юности войной.
В мире продолжается коррида,
Выходной сменяет выходной.

Проплывают тучи стороною,
Ни одна болячка не болит.
Инвалид предстал пред Сатаною:
Перед инвалидом — инвалид.

ПРИЗНАНИЕ

Во мне живет мозолистое время
В зазубринах забот и отпусков.
На склоне лет нисколько не мудрея,
Я не стыжусь светящихся висков.

Мои заслуги скачут где-то рядом,
Теряясь в мельтешенье неудач.
А если вы придете ко мне на дом,
Я подскочу от радости, как мяч.

* * *

Снова на́ плечи накину
Рощу милую и глину
И пойду опять гулять,
Дурака опять валять.
Снова на душу надену
Бора гибкую антенну
И услышу дальний крик:
— Где ты прятался, старик?!
Значит выжил, значит выжил
Мой неведомый двойник
Посреди весенней жижи,
Посреди осенней жижи
Над плантацией клубник.
Значит, сам еще я вьяве
Вижу рощи и поля,
Не готовый к переправе
За границы бытия.
Значит, вылечив ангину
Или прочую кручину,
Я не раз еще накину
Рощу милую и глину
На сутулые плеча,
Душу грешную леча...

КАРТИНА

Блудный сын целует ноги
Изумленному отцу.
Прет народ из синагоги,
Судный день идет к концу.

Присмирел над миром ветер,
И спокойны до поры
Сын, Отец и некто Третий,
К ним явившийся с горы.

6 Заказ № 823

НОВЫЙ ДЕНЬ

Вот и звезды погасли,
Разошлись по домам.
И, распятый на прясле,
Шевельнулся дурман.
И, спешащий на выход,
Всполошился петух;
И косматое лихо
Испустило свой дух.
И проворные зори
Оплели горизонт.
И стоящим в дозоре
В этот день повезет.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Заскакали трясогузки,
Заплясали мотыльки.
Вышел парень из кутузки
И подался вдоль реки.

Видит жиденькие всплески
В отражениях домов;
Слышит перестук «железки»
За брюзжанием громов.

Даже видит отраженье
Неумытого лица.
Потерял он уваженье,
Как паршивая овца.

Но идет он все же к людям:
— А куда еще идти!?...
Пусть ему не будет труден
Путь, неначатый почти.

УЖ НЕ ЗДЕСЬ ЛИ...

Памяти поэта Николая Тряпкина

Уж не здесь ли наше родовое,
Скошенное временем, гнездо,
Уж не здесь ли солнце чуть живое
Нас журит за шалости незло.

Уж не здесь ли школа-развалюха
По складам читает нам стихи,
А луны прозрачная краюха
Пристально глядит из-под стрехи.

Уж не здесь ли, право, уж не здесь ли
Наша пятистенная судьба
Распевает праздничные песни,
Ловко откупорив погреба.

Уж не здесь ли древние овраги
Раскрывают срез земной коры,
А ракиты расправляют флаги,
Видные версты за полторы...

СОН

Я заснул на какое-то время,
Я заснул на какой-нибудь час.
И палила по мне батарея,
И стрелял по мне вражеский ас.

Я воскрес после страшных видений,
Я вернулся к заботам мирским.
А вдали самолеты гудели,
Прикрываясь гудком заводским.

И не понял я: где же я — в Чили
Или в нашей великой стране?
И по мне мои думы строчили,
Не давая очухаться мне.

ПОТЕРИ

Ты с утра валяешься в постели,
Равнодушно пялишься вокруг.
А невосполнимые потери
И тебя касаются, мой друг.

Ты с утра лениво чистишь зубы,
Попиваешь кофе или чай.
Верь, что заколоченные клубы
И тебе зачтутся невзначай.

Ты идешь на службу при портфеле
В предвкушенье множества забот.
А невосполнимые потери
Забегают стайками вперед.

КОМЕТА

Вот и комета
Свое отвисела.
Спит себе где-то
Ни справа, ни слева.

Что ей, комете,
До наших терзаний,
Наших осетий
И старых рязаней!

Чистое небо...
Ясные зори...
Вот бы и мне бы
Ясность во взоре!

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

С треском рассыпался прямо под нами,
Накипь даров умыкая назад.
Вслед ему старцы глядят пацанами,
Дети, как старцы, перстами грозят.

Похолоданье и потепленье
С ним объясняться не смеют на «ты».
С сдержанной силой ведет отступленье,
Не отдавая победной черты.

ПРИДВОРНЫЙ ПОЭТ

Голова посыпана пудрой,
На локтях лоснится камзол.
Стоя перед сверстницей мудрой,
Слышит то «шарман!», то «позор!»

Буковки глядят с манускрипта,
Будто муравьи из травы.
У окна шкатулка раскрыта
На руках у юной вдовы.

В золоченых рамах — портреты,
Писанные ловкой рукой.
И пора не слушать советы,
А тайком уйти на покой.

ЗЕМЛЯЧОК

Важно ходит по весенней
Непрогревшейся земле.
После зимних потрясений —
Ни морщинки на челе.

Отступает вдоль оврага,
Обходя его края.
И не верит бедолага,
Что похож на воробья.

* * *

Мы не ценим
Тех, кто ценит нас.
Мы в них целим,
И не в бровь, а в глаз.

Мы их любим,
Но издалека.
Даже рубль им
Не подаст рука.

КОРОЛЕВА

Королеве четырнадцать лет,
Королеве приснился Валет.
Пробудилась тайком Королева —
Нет Валета ни справа, ни слева.
Королева грустит и грустит,
А Валет мостовую мостит.
Из-за шторы прекрасно видна,
По кварталу гуляет весна...
Поздно ночью очнется Валет
Королем восемнадцати лет.

МЫСЛЕННАЯ ПРОГУЛКА

Заплутает в листьях птица ли,
Шевельнется ль в травах грешная,
Посвящен в лесные рыцари,
Восхищен тобой конешно я.

Забежит ли в тучку солнышко,
Засверкают в поле градины,
Ты, счастливая, как Золушка,
Реешь над речными гладями.

Припуститься следом надо бы
Тропками и косогорами,
Да вот только годы-надолбы
Смотрят с грустными укорами.

Видно, скоро сникнет в инее
Озабоченная рощица,
И начнем в печи, в камине ли
Ворошить зимы пророчества.

СОЖАЛЕНИЕ

Бегущая по волнам,
Беспечная и красивая,
Досталась не вам, не нам, —
Настолько была спесивая.

Оставила ветра прядь,
Подточенную цикадами,
И моря пустую гладь
За сонными эстакадами.

СОБАКА

Бредет по размытому следу
Большая, как память, собака.
— Она появилась тут в среду, —
Считает знакомый зевака.

Десятки репьев и колючек
Висят на бродячей собаке.
Тесней, чем случайный попутчик,
Она припадает к зеваке.

В глазах у собаки снежинки
Вот-вот от печали растают.
А две заболтавшихся жинки
Кусачей собаку считают.

ЕСЛИ ОСЕНЬ

Если осень, значит — золотая
(Вспомните полотна Левитана):
Листьев нескончаемая стая
Тянется к аулам Дагестана.

Небольшая часть к земле припала,
Остальные все еще в полете.
До зимы продлится переправа,
Если вы их раньше не спугнете.

ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ

На зеленый взошел бережок,
Сел на стесанный временем камень.
— Береженого Бог бережет, —
Зашептал ему ласковый травень.

Посмотрел на залетных пичуг,
Расплетающих влажные тени,
И решив, что окончен досуг,
Отряхнулся от скуки и лени.

Постоял у развилки дорог;
Выбрал ту, что сбегала к селенью;
И, поскольку ничуть не продрог,
Снова принял осанку оленью.

аказ № 823

ГОЛОС

Я услышал голос страстный
Бедной Родины моей:
— Ты не белый и не красный,
Так иди ко мне смелей!..

Я услышал голос гневный:
— Почему ты не идешь?..
Это прадед мой под Плевной
Ощетинился, как еж.

Я услышал голос чистый:
— Проживем и без тебя...

Это пранук мой плечистый
Выдал, предка не щадя.

ПЕСНЯ

Г. А. Тюрину

А после Булата,
а после Булата
Пришла за негромкие песни расплата;
Пришла за негромкие песни расплата,
Как будто в руке разорвалась граната.

А после Булата,
а после Булата
Один за другим отступают ребята.
А новые песни,
а новые песни?
Они недостойны Булата, хоть тресни!

А новые взгляды,
а новые взгляды?
Они у Булата не просят пощады.
И все-таки шепчут порой виновато:
— А после Булата,
а после Булата...

РОДНОЕ

Полупустая улица —
Домиков пятьдесят.
Бывшая первая умница
Гонит в сарай гусят.

Новые поколения
Мимо идут на труд.
В небе без сожаления
Наши грехи орут.

Пруд вдалеке сутулится,
Думает о своем.
Полупустая улица
Уводит за окоем.

СТУДЕНТКА

Съела губную помаду
С недоцелованных губ
И погрузилась в громаду
Дома, который нелюб.

Села в глубокое кресло,
В грезы ушла с головой
И постепенно воскресла
К новой любви «роковой».

ИЗМАЛКОВО

Здесь степенные липы
Привечали меня,
Скарлатины и гриппы
Безуспешно гоня.

Здесь ненастной порою
Проливались пруды.
Здесь искали мы Трою
Возле дальней скирды.

Здесь размеренность буден
Слух однажды прервал,
Что в Измалково Бунин
Знаменитый бывал.

ДЕВУШКА И ДОГ

Восток добавил ей немного
Невозмутимой красоты.
С ленцой прогуливая дога,
Не замечает суеты.

Вдогонку устремились взгляды,
Ложится под ноги листва.
Домов недвижные громады
Плывут вдали, как острова.

КЛЮКА

Издалека,
Не зная сна,
Бредет Клюка
Сквозь времена.

Ее следы
Бедой грозят.
— Эй, дочь беды,
Хиляй назад!..

А дочь в ответ
Глотает пыль:
— Возврата нет
В хромую быль...

* * *

Кто я такой?
Да никто я такой,
Льнущий с тоской
К толчее городской.

Чей-то знакомый,
А может и нет,
Смутно влекомый
На голос планет.

Впалой щекой
Бередящий покой,
Кто я такой?
Да никто я такой!..

ШЕСТИДЕСЯТНИК

Решил, что позорно и стыдно
В делах отставать от ребят,
И вышел на станции Тында,
На время забыв свой Арбат.

Мозолил старательно руки,
На старых косясь мастеров.
А вечером — «просто от скуки» —
Торчал возле шумных костров.

Стремление к личному счастью
Дало результаты свои —
Однажды учетчицу Настю
Сумел пригласить на чаи.

Топорщились звезды в округе,
Спешила на место луна.
Из Насти не вышло супруги —
В другого была влюблена...

Прошел и дожди и метели
И гордо вернулся домой.
А мимо составы летели,
Стараясь лететь по прямой.

* * *

Пронеслись мои лучшие годы,
Да и худшие тоже прошли.
Не сложил героической оды,
Все равно бы ее не прочли.

Не сложил пятистенного дома,
Гаража — и того не сложил.
А уже пробирается кома
Лабиринтами вздувшихся жил.

* * *

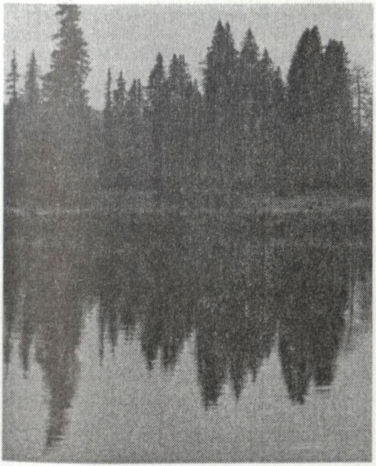
Мои любимые места
Следят за мной из-за куста.

Напоминают о весне,
Как будто видятся во сне.

На расстоянии руки
Ведут к излучине Оки.

Мои любимые места
Следят за мною неспроста.

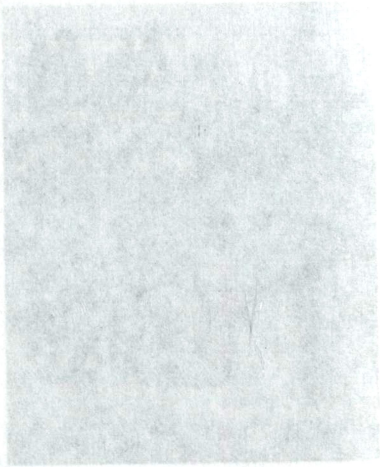
ОПРОКИНУТАЯ НОЧЬ



2000

* * *

Мои любимые места
Следят за мной из-зз кус
Напоминают о весне,
Как будто видятся во сне



МАРТОВСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Вечно занятые делом,
Пережившие пургу,
Галки черные на белом
Обозначились лугу.

Основательно уселись,
Будто бы на целый век;
И несут такую ересь,
Что вспухают русла рек.

РУССКИЙ МУЖИК

Тяжелеют закаты
Над строптивой страной.
Никакой не зэка ты,
Никакой не блатной.

Разливаются реки
И сливаются вновь.
Заменить тебя некем —
Так густа твоя кровь.

Снова нужен Балканам,
Словно громоотвод,
Ты стоишь истуканом,
Встрепенешься вот-вот.

ПУШКИНСКИЕ ВРЕМЕНА

«Друзья мои, прекрасен наш союз!..»

Прекрасные были
Тогда времена:
Престрастные были
Скрипела сосна.

Прекрасные блики,
Прекрасные сны —
Под скрипы и вскрики
Счастливой сосны.

Прекрасные речи,
Прекрасный экстаз.
Но ставились свечи
Тогда и сейчас.

каз № 823

МОНОЛОГ ОБЫВАТЕЛЯ

«А он лежит в широком чистом поле...»

Юрий кузнецов

Под лежачий камень
Подтекла вода —
Дружба с дураками
Вовсе не беда.

Это в нашей власти
Грозы просыпать:
Переждал ненастье —
И живи опять!

И шепчи при входе
В возрожденный храм:
— Не дурак я, вроде,
Судя по грехам...

АНИСЬЯ

Последние жалкие листья
Теряет усохшее лето.
Понурая бабка Анисья
Твердит постоянно про это.

Никто ниоткуда не едет,
Никто ниоткуда не пишет.
Анисья надеждами бредит
Над горкой насмешливых пышек.

На солнце взирает порою,
Сверяя с ним местное время:
— Пора уже вслед за сестрою,
Такая, внучёк, лотерея...

ВОИН

На холодном, на голодном
Уставном ветру
Он идет в строю повзводном
В звездную дыру.

Видит смутный сон. И снова
Укрощает путь,
Сторонясь родного крова,
Ранящего в грудь.

Принося спасенье миру,
Кается потом,
Что служил лишь командиру
На ветру пустом.

ЗАОКОННЫЙ ПЕЙЗАЖ

Вон он! Вон он
Черный во́рон
В обрамлении воро́н!

Вон он! Вон он
Черный гомон
Про чеченский
Про патрон.

Вон он! Вон он
Черный выход.
Вон он! Вон он
Черный вход!

В предвкушенье
Льгот и выгод
Вон он! Вон он —
Черный кот...

ГОРА

Владимиру Переверзеву

Уже давно не существует
Начальной школы на горе.
Уже никто не повествует,
Как жили предки при царе.

Уже давно умчались ветры
Былых мечтаний и потуг,
А вслед им не мелькают гетры
Берез, летящих во весь дух.

Уже давно забыты лица
Степенных жителей села.
И можно снова здесь селиться,
Пока гора еще цела.

СТОГ

Спина пятниста,
Как весной луга.
Устав от свиста,
Спит внизу пурга.

Снаружи холод,
А внутри тепло.
На сонный город
Щурится незло.

ОДИНОКАЯ БЕРЕЗА

В сентябре потеряла невинность,
В ноябре пробудилась вдовой.
Юный месяц печали не вынес
И повесился вниз головой.

Ощутив приближение вьюги,
Безутешно припала к заре.
Облаков белоснежные струги
Прикипели к покорной коре.

ФИЗРУК

В одной руке — журнал,
В другой руке — свисток.
Пока нас разминал,
Умаялся чуток.

Толкнул нам мяч сырой
И бдительно следит
За нашею игрой,
То весел, то сердит.

Услышав, что пищит
За стенкою звонок,
Под баскетбольный щит
Нырнул, как стригунок.

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ

Ночь опрокинула звездное небо
Прямо на церковь Бориса и Глеба,
Прямо на церковь, на реку, на луг,
Прямо на брошенный осенью плуг,
Прямо на полузабытые хаты
И на другие земные утраты,

Приплюсовав до утра к их числу
Неисчислимую звездную мглу.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЮБВИ

Было дело,
Дело было —
Даль гудела,
Близь трубила.

Натыкаясь друг на друга,
Мчались сладостные миги.
Ночь ревела, как белуга,
Разметав свои вериги.

Было... не было — не помню!
Было... не было — не знаю!
Устремлялось утро к полдню,
Унося мою Данаю.

СВАДЕБНЫЙ ГЕНЕРАЛ

Это было не за Уралом,
Это было не за Подолом —
Был я свадебным генералом,
Спирт закусывал помидором.

По-хозяйски расправив плечи
И ловя с вожделеньем взгляды,
Говорил прописные речи,
Сверхуверен, что все им рады.

А потом провожал до пирса
Молодую одну особу.
А потом... а потом напился,
Не пройдя на героя пробу.

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Ночь полна соловьиного свиста,
Ночь полна соловьиной любви.
За орешником плещется Истра,
Избегая контактов с людьми.

Ветерком омываются дали,
Преломляя рои огоньков.
У дороги чабрец, лебеда ли
Прописались на веки веков.

В зачарованных лунных просветах
Зарождаются таинства дня,
И, шалея от песен испетых,
Соловьиная крепнет возня.

* * *

Две тыщи лет
От Рождества Христова
Глядят мне вслед
Надменно и сурово.

Две тыщи лет
Безверия и веры
Ищу ответ,
А снятся лишь химеры.

Две тыщи лет
От Рождества Иисуса
Спасенья нет
От властного искуса.

ГОЛУБОК

Голубок мой бумажный
Летит и летит
Мимо насыпи влажной,
Где заводик коптит.

Мимо смирной церквушки,
Мимо брошенных шпал.
Долетит ли до Кушки,
Где когда-то пропал?

Голубок мой неяркий
Вьется в створе лучей
И пикирует в парки
Мимо тучных грачей.

Голубок мой неловкий
Ткнулся в чье-то стекло,
И его по головке
Гладит бывшее зло.

СТАРОСТЬ

Ручки стали спичками,
Ножки — папиросками.
Засыпая с птичками,
Вскакиваем с росками.

Встречи стали встречками,
Встречки стали встречами.
Бродим по-над речками,
Солнышком просвечены.

ЗНАЧИТ...

Значит, остаются в силе
Те дожди, что моросили;
Те снега, что замели
За ночь ровно полземли;
Те бездонные овраги,
Что ведут до самой Праги;
Те горящие лучи,
Что струятся из Керчи...

Значит, остается в силе
Все, что в детстве замесили.

Заказ № 823

МЫ ДЕЛАЛИ ЛОДКУ

Мы делали лодку,
Мы сделали лодку!
И гордо несли
По всему околотку.
Спускали на воду ее осторожно,
Насколько такое бывает возможно.
А лодка тонула,
А лодка тонула!
А лодка не знала,
Что нас обманула...
Потом мы домой
Возвращались с позором,
А лодка лежала
С потупленным взором.

ПОСЕТИТЕЛЬ

Громыхают грозы,
Полыхают травы.
Не меняя позы,
Я сижу у Клавы.

Утекают реки,
Уплывают тучи.
В двадцать первом веке
Не избегнуть бучи.

А пока что мимо
Лупят сгустки молний,
И несокрушимо
Льется воздух горний.

ХУДОЖНИЦА

О. С.

В створе воспаленного портрета
Машет кистью девочка-луна.
От белил осталась сигарета,
Девочке бесплотной не видна.

К девочке приткнулся Арлекино
Смерчиком навязчивой вины
И изнемогает паутинно,
Не постигнув лунной глубины.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЮНОСТИ

О. Королёву

Мы слонялись без цели
У судьбы на прицеле.

Мы топтали газоны,
Несмотря на резоны.

Хорошо нам топталось,
Да следов не осталось.

* * *

Поэты тютчевского взгляда,
Поэты фетовской поры,
Вам ничего уже не надо,
Сумевшим выпустить пары.

На смену вам спешат другие
Через болотца и луга,
Но их намеренья благие
Опять не стоят ни фига.

* * *

Не согрешишь — не покаешься
И не напишешь стиха...
Истина эта пока еще
Вовсе не так уж плоха.

Не согрешишь — не помаешься
И не очнешься в аду.
Что ж ты на людях ломаешься,
Что ж ты бубнишь ерунду?..

* * *

Гале

Первые брачные дни,
Робкие взгляды окошек.
Нет ни друзей, ни родни;
Вянет зеленый горошек.

Легкая поступь тепла;
Холодноватое утро.
Бродят по дому тела,
Явь сознающие смутно.

Нет ни взаимных обид,
Ни воспаленных гаданий.
Коврик над ложем парит
С каждой минутой нежданней.

ОСЕННЕЕ

Между прошлым и будущим
Бьется сморщенный лист
С придыханием будничным,
Заменяющим свист.

Паутина натянута,
Оборвется вот-вот,
И про гибель «Титаника»
Зашуршит небосвод.

* * *

Снова треплют березу,
Снова Троицын день.
Ты бредешь по колхозу,
Свет меняя на тень.

Снова песни и пляски
Чуть не в каждом дому.
Снова веруем в сказки
В самогонном дыму.

Так уж, видно, устроен
Наш неловкий мирок.
Медицинской сестрою
Славь березу, милок.

* * *

В полночный час,
Когда не спится,
Молюсь за вас,
Родные лица.

В полночный час
И в час рассвета
Молюсь за вас,
Чья песня спета.

В полночный час,
Как в час расплаты,
Молюсь за вас,
Мои Мараты.

МОЯ ЖИЗНЬ

Лечу в тринадцатом вагоне я,
А следом — прошлого агония.
Навстречу — будущего весть:
— Не слезть, не слезть, не слезть, не слезть!..

Вагон двенадцатый шатается,
Вагон четырнадцатый пуст.
К вокзалу воронье слетается,
Как на преступника Минюст.

* * *

«И явился... Ангел Господень в пламени огня из среды терно-вого куста»

Исход 3:1 — 12

Что ты бродишь по белому свету,
Неприкаянный куст купины?..
За домами затеряна Сетунь,
И рассветы почти не видны.

Что ты ищешь в потупленных травах,
Чем ты жжешь, за полу теребя
Разделенных на левых и правых,
Не желающих видеть тебя?..

ЛЕТНИЙ ЭТЮД

Белье находится в полете,
Летит неведомо куда.
Чуть в стороне стоят две тети,
Вон та — толста, а та — худа.

В просветах суетятся дети,
Ведут обычную игру.
Белье подсохло на две трети
На нескончаемом ветру.

Вот-вот в тазы его уложат,
Простор небесный обнажив.
А в кадр вернется мелкий дождик,
Ворчливый местный старожил.

ВОЛНА

Кипит зеленая волна,
Смиряя у разверстой пасти
И загнанного скакуна,
И тайные позывы страсти.

Вращается проворный ил,
Перемывая атрибуты
Эпох, что выбились из сил,
Не одолев полдневной смуты.

Просвечивают сквозь волну
Черты несбыточного мира.
И страшно холодно челну,
Вдали блуждающему сиро.

* * *

Я знаю истинную цену
Людей, идущих мне на смену.

Стремленья и заботы их
Я на себе давно постиг.

Передавая им свой крест,
Я до конца держусь,
как Брест.

РУССКИЙ ПЕЙЗАЖ

Журавлиный клин селенья
Над излучиной реки
Ждет уныло исцеленья,
Предсказаньям вопреки.

Тропки малые и тропы,
Нисходящие к реке,
Отмечают край Европы
И теряются в песке.

За лесами гибнут тучи.
Месяц вылез из гнезда.
Тишина все злей и круче
Прогибает провода.

Заказ № 823

* * *

И. А. Рыжову

Нет спасения нации нашей:
Вымираем, болеем, скулим
Под разверстою звездною чашей,
Вопиющей, что мир неделим.

Нет спасения нашим оврагам,
Нет спасения нашим полям.
Отступая по треснутым лагам,
Мы крепимся с грехом пополам.

И как будто по воле монаршей,
Ковыряем наделы свои.
Нет спасенья формации нашей,
Видно, слишком стремились в раи.

* * *

Живу размеренно и скупо,
Почти не пью, а надо пить.
Печальна роль живого трупа,
С трудом умерившего прыть.

Несутся мимо жизни волны,
Пронзают судьбы и дома.
И лишь подобные мне овны
Жуют бессмысленно корма.

* * *

Л. А.

Вот и жизнь пролетела,
Не заметили как.
Где-то бродят два тела,
Привлекая зевак.

Где-то вянут цепочки
Заплутавших следов.
У раскрывшейся почки
Взгляд наивно-бедов.

МОЛОДОЙ УЧИТЕЛЬ

В объятьях реликтовой рощи
Под бодрое пение птах
Несет худощавые «мощи»,
Теряя тропинку в кустах...

Закончив движенье по трассе
Навстречу урчанью машин,
Торчит в переполненном классе,
Как впрямь проглотивший аршин.

ВЕЧЕР

Злые ветры снова
Лают на луну.
А в ответ — ни слова,
Будто в старину.

Мыкаются тени
Злаков и кустов.
С этими и с теми
Слиться мрак готов.

Скрипнули ворота,
Неизвестно где.
— Ну их всех в болото! —
Слышно по воде.

СЕМЬЯ

Вера, Надежда, Любовь;
Любящий их Михаил...
Месяц завис над избой,
Смирную жизнь похвалил.

Вера, Надежда, Любовь
Встали ни свет ни заря.
Вскинулся дым над трубой,
Солнцу поклоны творя.

Птицы запели вокруг,
Засеребрилась роса.
Горло прочистил петух —
Гордость семьи и краса.

Вылез на сцену сынок,
Копия — дед Николай,
И засновал, как челнок,
Вызвав задиристый лай.

Вера, Надежда, Любовь,
Перекликаясь, ушли.
Теплого ветра прибой
Засуетился вдали.

* * *

Я слышу
просевшую крышу,
Я слышу
заглохший ручей,
А собственный голос
не слышу
За шумом воздушных речей.

Я вижу
навозную жижу,
Я вижу
кладби́ще машин,
А собственной тени
не вижу
За тенью продрогших крушин.

Я слышу,
я вижу,
я знаю,
Какой предстоит нам исход.
А тучи уходят к Синаю,
Своих не сдавая высот.

БРЕДУЩИЙ МИМО

Устав от пребыванья дома,
От жизни праведной устав,
Бредет по городу Ерема,
Снижая скорость у застав.

Смиренно изучает лица
Снующих мимо земляков,
Ища, к кому бы притулиться
До окончания веков.

Не тешат грустного Ерему
Ни облака, ни фонари.
Свернув к забытому парому,
Он слышит голос: «Отомри!»

ХОЛОСТЯК

Соучастник многих оргий,
Прерыватель тамады
Дома держится, как в морге,
Тише праведной воды.

Чинит сломанные вещи
И не может починить.
Следом тянется зловеще
Жизни сточенная нить.

* * *

А друзей-то и нету,
А ведь, кажется, были
И оставили мету,
Больше сделать не в силе.

Нет ни дальних,
ни ближних,
Отзовутся едва ли,
Пребываю, как лыжник
На глухом перевале.

С этим шлялись в обнимку,
С этим делали дело.
Этот, судя по снимку,
Не стерпел беспредела.

Обрываются связи,
Обнажаются сути.
Хорошо, что без грязи,
Хорошо, что без мути.

СТОП

«Будь проклят день и час,
Когда родился аз,
То бишь родился я,
Напрасно слезы лья.

Будь проклят длинный перст
Невидимой судьбы,
Принявшей мой протест
За писк дверной скобы.

Будь проклят бренный путь,
Представший предо мной...»
И сам я проклят будь
За стон мой напускной.

УЕДИНЕНИЕ

Пребываю не в духе,
Да и есть ли он — дух?
Городок лопоухий
Мне сегодня не друг.

Пребываю в печали,
Знать не зная причин.
Где меня привечали,
Там мой след опочил.

Пребываю в недуге,
Сторонясь бытия.
Все вернется на круги,
Но уже не своя.

* * *

Осенняя пора,
Совпавшая с моею,
Бесстрастна и мудра,
Скользит через аллею.

Зовут меня туда,
Где я мелькнул когда-то,
Недвижная вода,
Неспешная регата.

Вдали обнажена
Немая точка схода.
Но все еще влажна
Подстывшая природа.

УТРЕННЕЕ

Черная птица скользнула над островом,
Тень проскакала вослед.
Вздрогнул поселок всем каменным остовом,
Вспомнив, что в песнях воспет.

Черная птица вернулась из небыли,
Над головами кружит.
И не понятно: в забвение, в небо ли
Путь наш нелегкий лежит.

ТЕТЯ ШУРА

Наташе

Она приезжала на праздники,
Справлялась про наши успехи:
— Ах вы, мои безобразники,
Будет вам на орехи!..

Пыталась командовать мамою,
Котенка гоняла сонного.
Считаясь «главною самою»,
Хвалила родное Сормово.

Ее мы прозвали «теткою»
И, как от дурной щекотки,
За дальнею загородкою
Скрывались от нашей тетки.

Она уезжала вскорости,
Оставив без всякой жалости
На нашей невинной совести
Невинные наши шалости.

СТЫДНО

Стыдно быть старым и немощным,
Горестно в небо глядеть.
Поговорить с тобой не о чем,
Словно ты сонный медведь.

Стыдно держаться с достоинством,
Стыдно его сохранять.
Стыдно жить в мире бессовестном,
Стыдно который менять.

ЛЯЛЯ

Не умаляя
Чужих заслуг,
Гуляет Ляля
В кольце подруг.

Одним кивает,
Другим мигнет:
Любви кривая —
Приятный гнет.

Хвостом виляя
На весь район,
Прельщает Ляля
Больших персон.

А поздно ночью
Спешит в кровать
Судьбу сорочью
На миг прервать.

НА ИППОДРОМЕ

Гуттаперчевый мальчик
На старости лет
На открытие скачек
Взял счастливый билет.

Мчатся кони гнедые,
Следом мчится листва.
Рядом старцы седые
Занимают места.

Воспаленное эхо
Сотни звуков копит;
Бьется неба прореха
Между легких копыт.

Гуттаперчевый мальчик
К барьеру приперт.
Сзади юность маячит,
Как почетный эскорт.

НА ОСТАНОВКЕ

Двадцатый век струится мимо,
Век двадцать первый — впереди.
Стоит на остановке мымра
Почтенных граждан посреди.

Стоит себе неукротимо,
Как незажженная свеча,
Забыв, что в старцев превратила
Юнцов, плененных сгоряча.

Летят на свет автомобили,
До каждого — подать рукой.
А люди про нее забыли,
Не помнят мымры никакой.

СЛУЧАЙНЫЙ ПОРТРЕТ

Улыбаясь своему чему-то,
Шла из домотканого уюта.

Узнавала изредка знакомых,
На приметы юности влекомых.

Миновав дорожку световую,
Обратилась в даму деловую.

В ДЕРЕВНЕ

«В этой деревне огни не погашены...»

Николай Рубцов

В ближних окнах свет не гашен,
За околицей темно.
Не сыскать ни звезд ни пашен,
Видно, вымерли давно.

Шевелят руками тени
Над порожним очагом,
Словно ожил старый «телек»
И вещает о благом.

* * *

Жаль, конешно, что скворешня
Долго брошенной была.
Жаль, конешно, что яешня
Полтарелки заняла.

Жаль, конешно, что черешня
Не растет в моем краю.
А сильнее жаль, конешно,
Что живем мы не в раю.

ТРИ СЕСТРЫ

Для главнейшей из сестер
Рыбаки зажгли костер.

Для второй из трех сестер
Люстру вешает монтер.

А для младшенькой сестры
Светят звездные миры.

МУЗЫКАНТ

В толпе проворных музыкантов
Всегда находится один
Ценитель Гегелей и Кантов,
Доковылявший до седин.

Умело загнанный в середку,
Слывущий «милым чудачком»,
Он в уголке жует селедку
И утирает нос смычком.

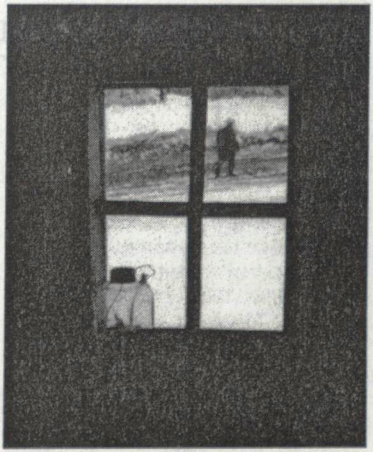
Внезапно вызванный на сцену,
Скучает во втором ряду,
Платя немыслимую цену
За счастье жить в полубреду.

НЕЗАМЕТНЫЙ

Делал хорошую мину
При нехорошей игре.
Пялился девушкам в спину,
Будучи в зрелой поре.

Тренькал под нос на гитаре
У знаменитых друзей.
Запечатленный в металле,
Занял весь местный музей.

ЗВОНОК



2001

УСТРЕМЛЕННЫЙ

Годы, месяцы, недели
Шел к недостижимой цели.

Отпуска и выходные
Тратил на дела «чудные».

Дотянул ли до финала,
Так страна и не узнала.

КОНЕЦ ОСЕНИ

Лес большого роста,
Толстые суки.
Береста, берёста,
Свет из-за Оки.

Рыжие поляны
Опустили взгляд.
Все цветы повяли,
Больше не шалят.

СТАРЫЙ КОНЬ

Сетуя на отторженье
От чистокровных пород,
Выпил свое отраженье
И вдоль по склону плывет.

Всепроникающим глазом
Водит вокруг неспроста —
На ветерке долговязом
Млеют родные места.

Взятый возницей под стражу
За неуступчивый нрав,
Тянет немую поклажу,
Голову к свету задрав.

* * *

А я люблю свои стихи,
Особенно — плохие,
Пускай и сухи и сухи
Их вздорные стихии.

Они болтаются на мне,
Как лишние доспехи.
Порой скулят о целине,
Порою — о физтехе.

Их снисходительный приход
Всегда непредсказуем.
И я твержу их круглый год,
Боясь вернуть лазурям.

ВИЗИТ

Покосилась небесная крыша,
Суетятся обрывки дорог.
Едет в гости к родителям Гриша,
Уплатив подоходный налог.

По бокам завывают собаки,
Превращенные в злобных волков.
Не осталось горючего в баке,
Не осталось в селе мужиков.

Вот и дом — жизни праведной ниша,
На тесемках калитка висит.
Прибыл в гости к родителям Гриша,
Торопливый наносит визит.

Ходит по кругу тоненький месяц,
Шевелится на грядках вьюнок.
Небывалых наплёв околесиц,
Отбывает обратно сынок.

Смотрят вслед ему старые вязы,
Сожалея о прожитых днях,
И роняют нелестные фразы,
При своих оставаясь корнях.

3 Заказ № 823

КЛЕШНЯ

Бродят лугом согбенные кони,
Постепенно редеет трава.
Незаметно теряются корни
Отведенного нам естества.

Межпланетные сооруженья
Выползают, куда ни взгляни;
И не выбраться из окруженья
Невменяемой черной клешни.

ПАМЯТНИК

Вознесен спиною к свету
Посреди Москвы.
Никогда не канет в Лету
Ореол молвы.

Обращен лицом к народу,
Сгорблен суетой,
Вновь готов в огонь и в воду,
Благо, что литой.

Жизнь проходит мимо, мимо;
Тлеют облака.
На лице страданья мина
Слишком глубока.

СЫН

Л. К.

Бредет по отцовскому саду,
Бредет по отцовскому следу.
С рассветной печалью нет сладу,
Как будто приехал к соседу.

Последнее яблоко стынет
На недосягаемой ветке.
Бредет, одинок, как пустынник,
К разрушенной полубеседке.

Присел бы на лавочку — сыро,
Вернулся бы в дом — неуютно.
Знать, долго по свету носило
И светлое утро — не в утро.

ОСЕННИЙ АВТОПОРТРЕТ

Пруд,
покрытый слюдою,
Обогнув по кривой,
Лист седой
над седою
Завис головой.

Ледяные волокна
Чуть дрожат на ветру.
Врет сорока-воровка,
Что скоро
помру.

ТУПИК

Мазутный тупик у затона,
Пожизненный вдовий оплот.
Не слышно ни крика, ни стона;
Лишь радио где-то поет.

По пояс в траве перегретой
Пасется плацкартный вагон.
Детишки из песни пропетой
Мечтают о блеске погон.

Высокого гостя порою
Из центра заносит сюда.
Стыдясь, что не пьется сырою,
В затоне мрачнеет вода.

Чужак отбывает обратно,
Отдав снисхождению дань,
И вносит в досье аккуратно
Абзац об отсутствии бань.

Забыв про тупик у затона,
Пожизненный вдовий оплот,
Скрывается важно и томно
Под крышу привычных забот.

А где-то в стране перегретой,
В мазутном глухом тупике,
Герои истории этой
О важном грустят чужаке.

ТАНЦОР

Подбоченясь,
выхожу на бережок;
А друзья уже танцуют танец «Жок».

Сделав паузу,
пристраиваюсь в круг;
А друзья уже танцуют «Веселух».

Дальше следуют
то «Чардаш», то «Гопак»;
И не выбраться из круга мне никак.

Но как только
меркнет праздничный костер,
Провожаю до калитки
двух сестер.

ДРУЗЬЯМ

Читайте Пушкина, гуляки,
Берите с Пушкина пример!
И тоже будете «рубаки»,
Постигнув пушкинский размер.

Читайте Лермонтова тоже,
Неважно, что он был бретер;
И отдавайте дань Сереже,
Который с детства был хитер.

Стихи Высоцкого Володи
Не стоит всуе вспоминать...
Читайте при любой погоде,
И я не стану вас пинать!

НАШ ТРЕНЕР

Обладатель кубка области
И других больших наград,
Никогда не делал подлости,
Был для нас, как старший брат.

Подбирал нам мази лыжные,
Как взаправдашний колдун.
Вместе с нами в села ближние
Забегал, ни стар ни юн.

Вслед за ним и в села дальние
Заносило нас порой.
Хорошо, что в годы давние
Был у нас такой герой!

БЕС

Над черной пашней кружит бес
В обличье супервертолета:
То кувыркается на лес,
То зависает, как на фото.

Велик у беса кругозор,
Маневренность неповторима.
Не потому ли наш разор
Воспринят им, как гибель Рима.

УТРОМ

Юный месяц привстал с колена
И поплыл по своим делам.
Жизнь, как песенку без рефрена,
Дотяну с грехом пополам.

Не споткнуться бы на порожках —
Снова в городе гололед.
Юный месяц в тугих сапожках
Руку помощи подает.

ИТОГ

Так и не стал ты, любезный,
Грозным глашатаем века.
Поезд промчался железный,
Дрогнуло прошлого веко.

Прогромыхала долина
Непререкаемым эхом.
Тень от моста-исполина
Новым грозит неуспехом.

Так и не стал ты пророком,
Как ни печалься об этом.
Корчится в поле широком
Боль по усопшим рассветам.

ОН

Как Христос перед смертью, расхристан,
Пробирается робко вперед.
Слыл когда-то большим юмористом,
Нынче — жертва своих же острот.

Земляков узнавая все реже,
Промышляет остатками зла.
Если ночью послышится скрежет —
Это он расправляет крыла.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Надо беречь
Русскую речь,
Русскую речь —
Нашу, сиречь.

Надо хранить
Тонкую нить,
Тонкую нить,
Склонную гнить.

ТЕЧЕТ РЕКА

Течет река,
Бежит река.
А по реке
Плывет «зэка».

— А по реке
«Зэка» плывет! —
Строчит вдогонку
Пулемет.

А в паузах
Собачий лай
От мокрых
Отлетает свай.

Течет река,
Бежит река —
Ни островка,
Ни катерка...

НЕЗАБУДКА

Разрывая слой болотной ряски,
Лопаются сладко пузыри.
Незабудка растеряла глазки,
С дураком блуждая до зари.

Из-под ног выскальзывает тропка,
Городок струится вдалеке.
Незабудка, не блуждай, где топко,
И не сожалей о дураке.

Он петляет в ядовитых росах,
Ослеплен святой голубизной.
От дружка остался жалкий посох,
Только ты сама тому виной.

Разрывая слой болотной ряски,
Лопаются сладко пузыри.
То, что я сгустил немного краски,
В голову, читатель, не бери!

«СОВОК»

Не спускался с парашютом,
Звезд не обнимал.
Проторенным шел маршрутом,
Ни велик ни мал.

Одолев большие страсти,
Мелкие грешки,
Как рыбак, проспавший снасти,
Слышит вслед смешки.

* * *

С годами меняются наши стремленья.
Банально? И все-таки в тысячный раз
На крохотной станции, скажем — Оленья,
Глазастый парнишка торчит посейчас.

И все-таки вновь поколенья сугробов
Вбирают цепочки лохматых следов.
И лыжник неловкий с фамилией Лобов
Жалеет, что он не полярник Седов.

И все-таки сладко глядеть на светило,
Теряя за сопками финишный створ,
И знать, что стремлений надолго хватило,
Поскольку глазастый парнишка шустер.

* * *

Как А и Б на заводской трубе,
Мы ничего не знаем о себе.

Вчера ты беззаботно хохотал,
Сегодня — флегматичен, как портал.

Вчера был в человечество влюблен,
Сегодня не ответил на поклон.

Как А и Б на заводской трубе,
Мы слишком много знаем о себе.

ПОРТРЕТ ЭПОХИ

Мыло, которое мылится плохо.
Чай безовкусный, прозрачный на цвет.
В «памперс» по горло зашитая кроха.
Дикторши новой фальшивый фальцет.

Проводы непобедимых ОМОНов.
Брошенных зданий разбойные сны.
Стадо машин, словно стадо бизонов,
Ждущих неистово бурной весны.

ИЗ ПРОШЛОГО

Мальчик открывает ларчик,
В кресле бабушка сидит.
Мальчик никогда не плачет,
Даже будучи сердит.

В небесах плывут волокна
Остывающей зари
И подглядывают в окна,
Как слепцов поводыри.

Мальчик закрывает ларчик,
Ставит бережно на стол.
Это значит, это значит —
Бередит его простор.

Смотрит бабушка украдкой:
— Что там делает внучёк?
А внучёк уже с тетрадкой
Шепчется, как старичок.

НОВЫЕ МУЧЕНИКИ

Было сорок,
Стало сорок сороков.
Птичий морок,
Как и прежде, бестолков.

Поиграли
В демократию и вновь
По спирали
Исторической — к пивной.

Не сдаются,
За историей следят.
Слезы льются
Мимо прочерков и дат.

ХАТА

Памяти Е. А. Благининой

То тепла, то тепловата,
То продута, как тоннель,
На пригорке дремлет хата,
Ждет, когда придет апрель.

Нету флюгера на крыше,
Строй штакетника щербат.
На призыв никто не вышел,
Может, в погребе сидят.

В небе след от самолета —
Жизнь на месте не стоит.
Жаль, что хата лишь на фото,
Только памяти флюид.

МЕНТАЛИТЕТ

В неравной борьбе
Иссушая мозги,
Мы сами себе
И друзья и враги.

В призывах, набатах,
Влекущих от дел,
Искать виноватых —
Наш вечный удел.

Спасаем границы,
Ругаем царей.
А поле пшеницы
Сжирает пырей.

* * *

Человечество жмется друг к другу:
Деревушка, поселок, аул.
Даже если поймали ворюгу,
Обреченный кричит «Караул!»

Не сближают дерущихся войны
И заморских послов этикет.
Только рядом друг с другом спокойны
И печник, и создатель ракет.

ВЕСЕННЕЕ

Еще дубы в суровой бронзе
И цвет опушек светло-рыж,
Но ты застыл подобно бонзе
И над пригорками паришь.

Тебя слепят остатки снега
И зелень свежая слепит.
В затылок дышит alter ego
И даже чуточку сопит.

КАТАРСИС

Снова воздушные токи
Греют бугры и холмы.
Снова у юной протоки
Можно взять счастья взаймы.

Снова нет места обидам,
А огорченья мелки.
И признают тебя гидом
Памятных мест уголки.

ОБЫКНОВЕННЫЕ

Не дают уснуть дурные вести,
Будто попрекают их грехом.
У нее глаза на мокром месте,
У него, при людях, — на сухом.

Медленно плывут они по свету,
Оставляя счастье на «потом».
Ни больших заслуг, ни званий нету,
Но вздыхать не принято о том.

Под неукротимым небосводом
Есть для них пока еще места:
Он с весны командует ОСВОДом,
Ей неймется плюхнуться с моста.

СТАРИК

Ясен ум. Прекрасно сохранились
Обаянье, зрение и слух.
По ночам ведет трофейный «виллис»
Через разминированный луг.

Вскакивает ровно в полшестого
И лежит, боясь тревожить дом.
Из-за леса, все еще густого,
Будто из подвала, тянет льдом.

ПРЕДЕЛ

Видно, всему есть предел,
Сколько жень-шень ни жевать:
Сверстник мой вдруг поседел,
Стал, что ни день, уставать.

— Он ведь давно уже дед! —
Сын говорит про отца,
Сам уже чуточку сед,
Правда, пока без пузца.

УТРЕННИЙ РЕЙС

Троллейбус набит, как трюм;
Не виден дверной проем.
Рабочий народ угрюм,
Всяк думает о своем.

Вдали растаяла цель,
А свет установок вял.
Как будто попав на мель,
Троллейбус тайм-аут взял.

И снова плывет вперед,
Не смея сменить маршрут.
А может, наоборот —
Навстречу дома плывут.

ГОРОДСКОЙ СОЛОВЕЙ

Как будто вырвался из клетки,
Закинув голову, поет.
Вокруг приплясывают ветки
И человечество снует.

Специалисты просмотрели
Неповторимого певца.
А он раскручивает трели,
Спеша раскрыться до конца.

Порой поглядывает в щёлку
На молодой весенний сад.
Другие птицы сбиты с толку
И укоризненно молчат.

* * *

Я и есть городской соловей,
До седых дотянувший бровей.

Не рабочий и не ИТР,
Я плохой для потомков пример.

Вечный бред я шлифую в мозгу,
А распахнуто петь не могу.

Неприкаянный, как суховей,
Я и есть городской соловей.

Заказ № 823

ПЕЙЗАЖ

Промелькнули сполохи
Жизни молодой.
Туч прощальных ворохи
Спят над бороздой.

Да погостов крестики
Скачут кое-где —
Маленькие вестники
О большой беде.

МЫСЛИТЕЛЬ

Не Пушкин и не Блок,
От славы вдалеке,
Томится, как брелок,
Зажатый в кулаке.

Не Беркли и не Юм,
Клеймит рассудок свой,
Мешая стайке дум
Витать над головой.

Не отпускают сны,
Не принимает явь.
— Дожить бы до весны
И вновь по жизни — вплавь.

ЗНАКОМАЯ

Отстрадала. Отрыдала.
Скрылась навсегда.
Следом, как лучи радара,
Тлеют провода.

Проводами, городами
Бродит наугад.
Побывала в Нотр-Даме —
Муж опять рогат.

УКАЗАТЕЛЬ

Нет колхоза. Один указатель
У шоссе — полупьяный — стоит.
Всем ветрам и дружок и приятель,
Исполнитель метельных сюит.

То шатается, то неподвижен;
Указует, не зная куда.
А когда подпускает поближе,
Начинает темнеть от стыда.

Заказ № 823

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Бьет по жести,
Бьет по жести
Чередой очередей.
Может сто, а может двести
Вколотил во тьму гвоздей.

Прохудилось неба сито,
В желобах кипит вода.
Но к утру все шито-крыто
Будет так же, как всегда.

* * *

Л. и Н. Серовым

Я припомнил цветастое поле
И простертый над полем рассвет,
Я припомнил, что дом на запоре,
И меня там давно уже нет.

Я припомнил достоинство нивы
И спокойную поступь реки.
Я припомнил, что всё еще живы
Заповедной тоски лоскутки.

Я припомнил, припомнил, припомнил;
И очнулся у всех на виду.
И березка в зеленой попоне
В городском загрустила саду.

МОНОЛОГ

«На проспекте опустелом,
Чуть в сторонке от метро,
Зарабатываю телом,
Жаль, что тело не мертво.

Папка с мамкою не знают,
Кем работаю и как.
Все о прошлом вспоминают,
Впереди поскольку — мрак.

Осовелые клиенты
Выползают из авто.
Даже в жаркие моменты
Я для них совсем никто...»

БЫТОВОЕ

Девушка с лицом старушки
Завершила постирушки.

Вышла, бедная, во двор;
А соседи пьют кагор.

Девушка с лицом старушки
Выпила вина полкружки

И направилась домой,
Плыть стараясь по прямой.

Вслед ей навострили ушки
Настоящие старушки.

ИЮНЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Дождь накапал —
«Кот наплакал!» —
Две-три лужицы не в счет;
А лужок от счастья лаков,
Рад, что солнышко печет.

Кое-где дрожат росинки
На взъерошенной траве,
Будто лугом шли косынки,
Не одна, а целых две.

ЖИЗНЬ

Ты протянула мне умные руки:
— Ладно, безбожник, живи!..
И поселила у окской излуки,
Там, где собор на крови.

Ты подарила мне «многая лета»
И ничего не взяла.
Жаль, что не могут «спасибо» за это
Слышать твои купола.

* * *

Росою пыль проглочена,
Луч солнца еле жив.
Уходит вдаль обочина,
По свету покружив.

При трассе озабоченной
Вся жизнь ее прошла...
Пока иду обочиной,
Тень падает плашмя.

РАЗДУМЬЕ ЖЕНЩИНЫ

Нарисую себя молодую
На слегка потускневшем лице
И костер сожалений раздую
С обязательным дымом в конце.

Никуда из квартиры не выйду,
Даже если кому-то нужна,
Ведь меня — длинноногую дылду —
Окрестили недавно: «Княжна!»

ЗВОНОК

Позвонил мне с того света
Друг не друг, а так — знакомый,
После крупного банкета
На лету сраженный комой.

Не застал хозяев дома
Абонент мой непутевый.
Против лома нет приема —
Скоро встретимся по-новой.

* * *

Я живу себе, живу
И во сне и наяву.

Я живу себе, живу,
Будто по морю плыву.

Я живу себе, живу,
Тешу неба синеву.

Я живу себе, живу,
Не живя по существу.

СПАСАТЕЛЬ

Лет сорок тому
Услышал:
— Тону!..
И спас,
Как потом оказалось,
Шпану.

Как зверь,
Задыхался
С распахнутым ртом.

Теперь
Лишь тайком
Вспоминает о том.

* * *

А. И. Лысенко

Это осень. Снова осень,
Порох листьев вдоль дорог.
Лет пятнадцать смело сбросим,
Славя лета эпилог.

Это первые морщины
На деревьях и кустах.
Это радость без причины
И всего-то в двух верстах.

ДЕПРЕССИЯ

Общая стынет тетрадь,
За год почти ни строки.
Видно, пора умирать,
Планам большим вопреки.

Пыль прилегла на столе.
Что ей до наших забот...
Внучка зайдет в феврале
И никого не найдет.

ПУТНИК

Ноги, словно вата;
Взгоркам нет числа.
Да, далековато
Нынче до села.

Слышу, кто-то скачет
На лихом коне.
День пока лишь начат,
Не созрел вполне.

Пенятся потоки
Пара и воды.
Здравствуй, мир жестокий!
Где твои плоды?

* * *

Люблю заштатные задворки,
Строений чопорных тылы,
Их первобытные каморки,
Не знающие похвалы.

Люблю их заспанные арки
С пометами былых времен
И отзвук списанной гитарки,
Стократ который повторен.

Они довольствуются малым —
Светила б лампочка одна.
Зато, отбелена крахмалом,
Здесь ярче радуга видна.

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Ока еще не схвачена
Ломающимся льдом.
И встреча мне назначена
У входа в «Русский дом».

И липы обнаженные
По воздуху кружáт,
Как будто снаряженные
На поиски деньжат.

И фонари забытые
Подсвечивают даль.
И денежки пропитые
Ни капельки не жаль.

НАЧИНАЮЩЕМУ

Не верь художникам, пригретым
Холеной барскою рукой;
Верь тем, которые «с приветом»,
Живут неведомо на кой.

Верь непроявленным полотнам,
Торчащим где-нибудь в углу.
Когда-нибудь в аду болотном
Они заслужат похвалу.

ВЕРБЛЮД

«Вкусив пространства,
счастья не вкусил...»

Н. А. Заболоцкий

I

Мог часами стоять на месте
В неприступно-холодной позе.
Простоял бы еще лет двести,
Но понравился юной розе.

Облаченный подругой в тогу,
Прицепивший к бокам лампасы,
Днем и ночью на недотрогу
Из горбов расточал запасы.

Пылевые клубились бури,
Хохоча над заморским дивом.
Полюбившийся юной дуре,
Был послушным и терпеливым.

Но сползла с великана тога,
Перестали сверкать лампасы.
И, безжизненный, как тренога,
Он подался искать пампасы.

Что касается юной розы,
Оценить не сумевшей чуда,
Не страшны ей пока угрозы,
Исходящие от верблюда.

II

Его ругают, но не бьют,
Жалеют сморщенную кожу.
И гордо высится верблюд,
Как будто направляясь в ложу.

Спиною перекрыв Эльбрус,
Как будто маленькую кочку,
Он доставляет ценный груз
В любую заданную точку.

А в настроении плохом
Висит на четырех опорах,
Как будто возмущен стихом
О покоренных им просторах.

НОЧЬ

Одолевая головную боль,
Веду я сам с собою
смертный бой.

Под утро, уподобясь муляжу,
Единственное слово нахожу.

И вижу, разогнав остатки сна,
Что найденному слову —
грош цена.

ПАМЯТИ ЖУРНАЛИСТА А. Н. ВОЛКОВА

Уходят лучшие из лучших,
Не докурив, не дописав.
А где-то у речных излучин
Опять луч солнца заплясал.

Уходят самые из самых,
Которым продолженья нет.
И небо в бесконечных шрамах
Перетекает в кабинет.

ВОРОН

Над Россией ворон
Весело кружи́т.
«И бандит, и вор он,
И хохол, и жид!..»

Шевельнув мозгами,
Укрощает тьму.
Люди вверх ногами
Видятся ему.

Убедясь, какие
Заварил дела,
Держит курс на Киев
С важностью орла.

Где-то за кордоном
Тратит капитал...
По-над Волго-Доном
Новый залетал.

* * *

С сирени листья облетели,
А ведь, наверно, не хотели.

Грустит под окнами сирень,
Как будто у нее мигрень.

Повеселеет лишь в апреле,
Поняв, что зори подобрели.

БИБЛИОТЕКАРЬ

Как чумными женишками,
Залетевшими на миг,
Управляет корешками
И названиями книг.

Поторапливает зори,
Перекрывшие проход.
Преломлен в невинном взоре
Холодок старинных од.

ЛЕДЯНОЙ ДОМ

Владимиру Ермакову

В ледяном дворце искусства
Жить не очень-то уютно.
И готовят здесь невкусно,
И бранят ежеминутно.

Лампы светят, да не греют,
В окнах возникают рожи
И, считая, что мудреют,
Вызывают приступ дрожи.

Нет ни выхода ни входа
В ледяном дворце печали.
Заповедная природа
Не растит здесь иван-чаи.

За кристалликом кристаллик
С каждым днем следит все зорче.
«Неужели дом растает?» —
Думает лукавый Зодчий.

АНЕСТЕЗИЯ

Пуста гробница фараона,
Давно истлел могучий дух.
Но, вспоминая время оно,
Ты забываешь свой недуг.

Тебя притягивают тени
Давно отторгнутых времен.
А остальное все — до фени,
Пока твой дух заговорен.

ГРЕШНИК

Я считаю себя таковым,
Так как часто шел трактом кривым;
Так как часто неправедный груз
Понукал моих праведных муз;
И святыми таких же, как я,
Нарекала людская семья.
Даже с знаменем снят полковым,
Я считаю себя таковым.

РЫНОК

Навстречу злому гомону
И проискам острот
Простреленную голову
Под мышкою несет.

Товар не покупается,
Лишь дергается зря.
Вдали снует напарница
И тоже — без царя.

А выжившие головы
Плывут, не помня тел,
Подкармливая норовы
Для предстоящих дел.

РЯДОВОЙ

Коря неустроенность быта,
Который не так уж и плох.
Ни разу не сделал кульбита,
Споткнувшись о звездный порог.

Прошел в середине колонны
Судьбою отмеренный путь
И где-то в районе Коломны
Познал свою жалкую суть.

ПАРЕНЕК

Под старичка пострижен,
Боек не без причин,
Между дворцов и хижин
Вертится, как немчин.

Бабушка и мамаша —
Вся-то его семья.
Перышки размонаша,
Сходит за соловья.

Выйдя во двор широкий,
Смирно кого-то ждет.
А впереди — уроки,
Каждый длиною в год.

РОДИНА

Недурна собою,
Как ее ни трать,
Держит хвост трубою,
Сохраняет стать.

Мелкие морщинки
Не томят чела.
Ни одной починки
В дар не приняла.

Через водоемы
Делает шаги.
А холмов изломы
Круты и строги.

СЕМЕЙКА

Бабка тешится внучкой,
Внучка тешится бабкой.
Старый дед авторучкой
Что-то пишет украдкой.

Звонят изредка детки,
Забегают не чаще.
Надоели им предки,
Как бесплодные чащи.

Дедка тешится внучкой,
Бабка тешится дедкой.
И сидят они кучкой
С толерантностью редкой.

ВАГОН

Это случилось в районе Ельца:
Пущен запойным диспетчером в Грязи,
Крайний с начала, первый с конца,
Бился о свет в межпланетном экстазе.

Стыки горели. Стонали мосты.
Крохотный стрелочник пятился в лужу.
Тщетно пытаясь Россию спасти,
Сплющенный груз вырывался наружу.

Остановиться не было сил
Даже на сданных в аренду подъемах.
Кабель — и тот снисхожденья просил,
А ведь считалось, что малый не промах.

Между колес в запрокинутой мгле
Выли напрасно победные сводки.
Утром беглец был задержан в Орле
По наущению телекрасотки.

Взят на поруки порожняком,
Вяло поплелся в исходную точку,
Делая вид, что ни с кем не знаком,
И проклиная крамольную ночку.

ВЕСНА СВЕТА

«Небо классное!
Солнце — ясное!
Снег — слепящая белизна!..»
Между парт плывет дама классная,
Сеет знания семена.

Неожиданно объявляется
За растерянною спиной
И нисколько не умиляется,
Что пахнуло уже весной.

На окне узоры подтаяли,
А тетради белым-белы.
У завалинки две проталины
Ждут заслуженной похвалы.

* * *

Не осилил Пруста,
Не осилил Гесса —
То в желудке пусто,
То излишек веса.

Не осилил Кафку,
Не осилил Лорку —
То влюблялся в Капку,
То глазел на Лорку.

Не осилил даже
Бунина и Фета.
Шляюсь в «Эрмитаже»
В поисках буфета.

ГРУСТНОЕ

Памяти В. А. Приходько

Кого любил — недостижимы,
Кому был дорог — далеки.
Как воевода без дружины,
Бреду вдоль жизненной реки.

Несу ответственности бремя
За повседневные дела,
Вотще нащупывая стремя
Неприручимого тепла.

Ни возгласа, ни крика сзади,
Ни утешенья впереди.
Пустой посмертной славы ради
Брести — Господь не приведи!

МОНОЛОГ АКРОБАТА

Александру Межирову

Я работал под куполом цирка
На доступной лишь мне высоте.
Выручала от боли растирка
И боязнь помереть в нищете.

Я работал в скрещении молний
Над неистовым зевом толпы
И ни разу ни слова не молвил —
Все слова были просто глупы.

КРУГ

Я тщетно пытался сверять по часам
Свою непокорную душу
И вслед за душою сновал по лесам,
Боясь, что покой их нарушу.

Я неоднократно пикировал ниц
С ее недоступных пределов.
Но не был укрыт ни в одной из гробниц
И ни под одним из приделов.

Я неоднократно пытался привстать,
Цепляясь за листья и травы.
Она ж, не давая к земле прирастать,
Была неприступней заставы.

И вырваться смертному не было сил
Из этого адского круга.
И благо, что дождик порой моросил
И к солнцу тянулась округа.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 3

Посреди приворотного царства. 1997 5
В пути 7
Невезучий 8
Ангел 9
Картинка 10
Женский портрет 11
Конец века 12
Каланча 13
«Вóвремя или во время...» 14
Эллада 15
Канун 16
Пруд 17
Конец империи 18
Утро 19
Монолог предпенсионера 20
Исход 21
Дождливый пейзаж 22

Натюрморт с окном. 1998 23
На стеклянном ветру 25
Мень 26
70-е годы 27
«Пока я жив...» 28
«В предсмертном единении с природой...» 29
Подмосковье 30
Баллада о Герое 31
Старинный городок 32
Май 33

Воспоминание об эвакуации 34
Летний пейзаж 35
«Большим поэтам писалось мало...» 36
Пейзаж-воспоминание 37
Натюрморт с окном 38
Идущий 39
Весна 40
Пешеход 41
Вечное 42
Знакомый поэт 43
«Верьте иль не верьте...» 44
Памяти матери 45
Юные девы 46
Предосеннее 47
Большак 48
Деятель 49
Утренняя картинка 50
Рука 51
«Последнее тепло...» 52
Звон 53
«Вот и прошло бесконечное детство...» 54
«Рыжая скобка Белевского тракта...» 55
«Цвет небес фиолетов...» 56
Закат 57
Тонувший 58
Моя генетика 59
«Плачет кукушечка. Эхо тройное...» 60
Старый колодец 61
Исследователь 62
«Жизнь объективно противна...» 63
Грех 64
«Мне всегда доставалась другая...» 65

На работу 66
Реликвия 67
Плач 68

Рассветная птица. 1999 69
Портрет 71
Уходящее 72
«Начинается таянье...» 73
Пробуждение 74
Дорога 75
«Человек, воспитанный войной...» 76
Подкова 77
«Отстучало сердце инвалида...» 78
Признание 79
«Снова на плечи накину...» 80
Картина 81
Новый день 82
Освобождение 83
Уж не здесь ли 84
Сон 85
Потери 86
Комета 87
Девятый вал 88
Придворный поэт 89
Землячок 90
«Мы не ценим...» 91
Королева 92
Мысленная прогулка 93
Сожаление 94
Собака 95
Если осень 96
Переселенец 97

Голос 98
Песня 99
Родное 100
Студентка 101
Измалково 102
Девушка и дог 103
Клюка 104
«Кто я такой?..» 105
Шестидесятник 106
«Пронеслись мои лучшие годы...» 107
«Мои любимые места...» 108

Опрокинутая ночь. 2000 109
Мартовский пейзаж 111
Русский мужик 112
Пушкинские времена 113
Монолог обывателя 114
Анисья 115
Воин 116
Заоконный пейзаж 117
Гора 118
Стог 119
Одинокая береза 120
Физрук 121
Ночной пейзаж 122
Воспоминание о любви 123
Свадебный генерал 124
Майская ночь 125
«Две тыщи лет...» 126
Голубок 127
Старость 128
Значит 129

Мы делали лодку 130
Посетитель 131
Художница 132
Воспоминание о юности 133
«Поэты тютчевского взгляда...» 134
«Не согрешишь — не покаешься...» 135
«Первые брачные дня...» 136
Осеннее 137
«Снова треплют березу...» 138
«В полночный час...» 139
Моя жизнь 140
«Что ты бродишь по белому свету...» 141
Летний этюд 142
Волна 143
«Я знаю истинную цену...» 144
Русский пейзаж 145
«Нет спасения нации нашей...» 146
«Живу размеренно и скупо...» 147
«Вот и жизнь пролетела...» 148
Молодой учитель 149
Вечер 150
Семья 151
«Я слышу просевшую крышу...» 152
Бредущий мимо 153
Холостяк 154
«А друзей-то и нету...» 155
Стон 156
Уединение 157
«Осенняя пора...» 158
Утреннее 159
Тетя Шура 160
Стыдно 161

Ляля 162
На ипподроме 163
На остановке 164
Случайный портрет 165
В деревне 166
«Жаль, конешно, что скворешня...» 167
Три сестры 168
Музыкант 169
Незаметный 170
Из армейского блокнота 1961 года 171
Мои советы 172
Типаж 173
Жених 174
«Посмотри в окно...» 175
Работница торговли 176
«Героиня моего стиха...» 177
Коля 178
Жители постпространства 179
Осенние воспоминания 180
Поздняя осень 181
Утомленный 182
Миг 183
Муха 184
На пепелище 185
Противостояние 186

Звонок. 2001 187
Устремленный 189
Конец осени 190
Старый конь 191
«А я люблю свои стихи...» 192
Визит 193

Клешня 194
Памятник 195
Сын 196
Осенний автопортрет 197
Тупик 198
Танцор 199
Друзьям 200
Наш тренер 201
Бес 202
Утром 203
Итог 204
Он 205
Предостережение 206
Течет река 207
Незабудка 208
«Совок» 209
«С годами меняются наши стремленья...» 210
«Как А и Б на заводской трубе...» 211
Портрет эпохи 212
Из прошлого 213
Новые мученики 214
Хата 215
Менталитет 216
«Человечество жмется друг к другу...» 217
Весеннее 218
Катарсис 219
Обыкновенные 220
Старик 221
Предел 222
Утренний рейс 223
Городской соловей 224
«Я и есть городской соловей...» 225

Пейзаж 226
Указатель 227
Ночной дождь 228
«Я припомнил цветастое поле...» 229
Монолог 230
Бытовое 231
Июньский пейзаж 232
Жизнь 233
«Росою пыль проглочена...» 234
Раздумье женщины 235
Звонок 236
«Я живу себе, живу...» 237
Спасатель 238
«Это осень. Снова осень...» 239
Депрессия 240
Путник 241
«Люблю заштатные задворки...» 242
Мыслитель 243
Знакомая 244
Осенняя прогулка 245
Начинающему 246
Верблюд 247
Ночь 249
Памяти журналиста А. Н. Волкова 250
Ворон 251
«С сирени листья облетели...» 252
Библиотекарь 253
Ледяной дом 254
Анестезия 255
Грешник 256
Рынок 257
Рядовой 258

Паренек 259
Родина 260
Семейка 261
Вагон 262
Весна света 263
«Не осилил Пруста...» 264
Грустное 265
Монолог акробата 266
Круг 267

Вадим Геннадьевич Еремин

НА СТЕКЛЯННОМ ВЕТРУ

Из новых стихов
(1997—2001)

Редактор *Г. А. Попов*
Технический редактор *Г. В. Скорикова*
Корректор *Н. П. Новикова*

Подписано в печать 16.01.04.
Формат70x100 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 9,58.
Тираж 1200 экз. Заказ № 823.

Издательство «Вешние воды»
Лицензия ИД № 01064 от 25.02.2000 г.
302028, г. Орел, ул. Салтыкова-Щедрина, 1.

ОГУП «Орловская областная типография «Труд».
302028, Орел, ул. Ленина, 1.